

DOI: 10.15372/HSS20180405
УДК 94(47)"1923/1966"

А.И. САВИН

«ЗИГЗАГИ» СОВЕТСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ (1923–1966 гг.)

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена колебаниям («зигзагам») советской церковно-государственной политики, характеризовавшейся определенной степенью либерализации отношений между государством и религиозными организациями. Речь идет об исторических процессах 1923, 1930, 1943 и 1965 гг. Описываются действия власти, наиболее ярко сигнализировавшие об отступлении на «антирелигиозном фронте», события, предшествующие либеральному «зигзагу», а также обозначаются временные рамки и содержательные границы либерализации. В качестве теоретической модели анализа цикличности религиозной политики предлагается модель так называемого перегиба, в соответствии с алгоритмом которого осуществлялись сталинские мобилизационные кампании. Делается вывод о том, что после смены парадигмы советской религиозной политики в годы Великой Отечественной войны и нового курса на создание лояльных деноминаций в форме «советской церкви», подтвержденного брежневским руководством, модель «перегиба» в качестве объясняющей можно использовать только с серьезными оговорками.

Ключевые слова: советская религиозная политика, колебания, «перегибы», И.В. Сталин, Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев.

A.I. SAVIN

“ZIGZAGS” OF THE SOVIET RELIGIOUS POLICY (1923–1966)

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article focuses on fluctuations (zigzags) of the Soviet church-state policy characterized by some degree of liberalization of relationship between the state and religious organizations. It describes the processes of 1923, 1930, 1943 and 1965. In particular, the author describes the government actions, which clearly marked the retreat at the “antireligious frontline” and events preceding a liberal “zigzag”, and defines the liberalization timeframes and meaningful limits. As a theoretical model for analyzing religious policy’s cyclic nature the author proposes the model of so-called “exaggeration”. In accordance with its algorithm the Stalin’s mobilization campaign was carried out. The conclusion is that after the paradigm change in the Soviet religious policy during the Great Patriotic War and a new course on creating new denominations in the form of “Soviet church”, confirmed by Brezhnev’s government, the model of “exaggeration” can be used as explanatory only with very serious limitations.

Key words: Soviet religious policy, fluctuations, “exaggeration”, Stalin, Khrushchev, Brezhnev.

Колебания политики высшего советского руководства — далеко не новая тема в отечественной историографии. Для историков давно очевидна определенная цикличность советской истории, в литературе неоднократно предпринимались попытки описать новейшую историю России как чередование реформ и контрреформ [1]. В качестве преамбулы уместно процитировать емкое обобщение О.В. Хлевнюка: «Уже современники наблюдали некоторые колебания политики высшего советского руководства. В экономике — от индустриальных скачков до снижения планов промышленного роста, от коллективизации

и раскулачивания до поощрения личных приусадебных хозяйств, от попыток свернуть торговлю и ввести прямой продуктообмен до “реабилитации” товарно-денежных отношений. В идеологии — от проповеди “революционного аскетизма” до лозунгов “зажиточной жизни”. Во внешней политике — от обличения социал-демократии до поддержки “народных фронтов”. Даже в политике государственного террора, представлявшей собой наиболее устойчивый элемент режима, наблюдались как всплески чрезвычайной жестокости, так и периоды демонстрации относительной “умеренности”» [2, с. 448].

Андрей Иванович Савин — канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: a_savin_2004@mail.ru.
Andrey I. Savin — candidate of historical sciences, senior researcher, Institute of History SB RAS.

Историки предлагали и предлагают разные попытки объяснения этих колебаний – от теории «фракций» в Политбюро, согласно которой в высших эшелонах власти в СССР противостояли друг другу сторонники жестких мер и приверженцы относительно «умеренного» курса, конструкций «большой сделки» (Вера Данхем) и «маленькой сделки» (Джеймс Миллар) [3] вплоть до гиперболизации роли внешней политики¹.

История советской государственной политики в религиозной сфере насчитывает, как минимум, четыре точки бифуркации, которые можно классифицировать как повороты или «зигзаги», характеризовавшиеся определенной степенью либерализации отношений между государством и церковными организациями. Первый из таких поворотов датируется августом 1923 г., когда партия большевиков объявила об отступлении с позиций нетерпимости по отношению к религии в начале периода относительно мирного сосуществования государства и церкви в рамках новой экономической политики. Следующий зигзаг пришелся на март 1930 г., когда ЦК ВКП(б) после первого штурмового натиска коллективизации осудил практику «администрирования» в деле борьбы с религией, что означало фактический отказ от попытки полностью ликвидировать конфессии в колхозной деревне и возвращение к политике их постепенного вытеснения на задворки общественной жизни. В годы Второй мировой войны сталинское руководство осуществило наиболее серьезный политико-идеологический поворот, который привел к возрождению церковных организаций и легализации религиозной жизни после массовых гонений на церковь периода «Большого террора». Четвертый по счету либеральный поворот, фактически предопределивший специфический модус сосуществования советского государства и религиозных организаций вплоть до конца СССР, был предпринят в первые месяцы правления Л.И. Брежнева в качестве реакции на масштабную антицерковную кампанию начала 1960-х гг., развязанную по инициативе Н.С. Хрущева. Этот последний «зигзаг» снял для большинства религиозных организаций, в первую очередь для Русской православной церкви, остроту адаптации к советскому политическому режиму.

Автор понимает всю ограниченность сравнительного метода в таких широких хронологических границах, тем не менее считает, что для сравнения имеются все основания – колебания осуществлялись в рамках одного и того же политического строя, более того, три зигзага из четырех были не просто предприняты во время нахождения у власти одного и того же человека – И.В. Сталина, но и во многом инициированы им.

В качестве научной гипотезы, которая, возможно, достаточна универсальна, чтобы объяснить колебания

и возникновение либеральных «зигзагов» религиозной политики, здесь предлагается теоретическая модель «перегиба». Не будет преувеличением утверждать, что все антирелигиозные мероприятия проводились в стиле сталинских массовых кампаний. Этим кампаниям традиционно были свойственны следующие специфические черты: формирование определенного дискурса, интенсификация событий в рамках какого-либо общественно-политического и / или экономического сегмента, соревновательный характер происходящего. Кампании всегда имели своих героев и антигероев, а также конечные сроки.

Феномен всех без исключения кампаний заключался в так называемом перегибе, или, если выразиться более формально, репрессиях (гонениях) и грубом нарушении «социалистической законности» на местах в целях выполнения и перевыполнения задач, намеченных центральной властью. В свою очередь Центр сознательно поощрял наиболее ретивых работников, закрывая глаза на их противоправные действия, эксцессы и насилие, добиваясь, во-первых, достижения актуальных целей, будь то «выбивание» хлеба, проведение раскулачивания, ликвидация церкви или уничтожение «бывших». Во-вторых (что, очевидно, было не менее важным), с помощью «перегиба» власть тестировала рамки и границы возможного в настоящий момент, не рискуя своей собственной легитимностью.

После завершения кампании следовало наказание «перегибщиков» (как правило, относительно мягкое) при разыгрывании карты «эксцессов на местах» и «восстановления законности» центральной властью. Представители власти и прочие активисты, уличенные в «перегибах», даже оказавшись под судом и следствием, в любом случае рассчитывали на то, что «своя» власть никогда не накажет их строго за чрезмерную жестокость к «врагам народа» и «вражеским» институтам. В результате власть не испытывала нехватки в «перегибщиках» для очередной кампании, которая, как правило, не заставляла себя ждать. Перегруппировавшись, сталинская власть предпринимала новое наступление на том или ином «фронте»: перефразируя Ленина, Сталин предпочитал делать лишь один шаг назад и следом – два шага вперед.

Что же касается роли широких масс населения, то наказание «перегибщиков», осуществлявшееся во многом благодаря традиционным жалобам-челобитным в виде «писем во власть», создавало иллюзию восстановления нарушенного доверия между обществом и государством. При этом пострадавшие хорошо усвоили, что в своей критике они должны ограничиваться «перегибом» и фигурой «перегибщика», ни в коем случае не подвергая сомнению ценности и нормы сталинского социализма.

Теперь непосредственно о самих либеральных зигзагах. Поскольку речь пойдет преимущественно о событиях, достаточно известных, каждое из них коротко будет охарактеризовано по следующей схеме: во-первых, определение точки бифуркации, связан-

¹ Так, Дэвид Ширер склонен объяснять цикличность сталинского насилия периодической актуализацией темы войны. Для нас важны его рассуждения о репрессивной деятельности власти по одному и тому же алгоритму. – См.: [4, с. 11–22].

ной с появлением какого-либо директивного документа или событием, наиболее ярко сигнализовавшим об отступлении власти на антирелигиозном фронте; во-вторых, будут рассматриваться процессы, предшествующие либеральному зигзагу; в-третьих, необходимо обозначить временные рамки и содержательные границы либерализации, за которыми последовал возврат к привычной репрессивной политике.

В качестве точки бифуркации первого зигзага можно рассматривать циркулярное письмо ЦК РКП(б) № 30 «Об отношении к религиозным организациям» от 16 августа 1923 г. за подписью И.В. Сталина, в котором сообщалось о многочисленных серьезных нарушениях, допущенных партийными организациями «в области отношения к верующим и к их культам». Вина за ущемление свобод верующих целиком возлагалась на местные парторганизации. Последним предписывалось незамедлительно «воспрепятствовать закрытию церквей, молитвенных помещений и синагог по мотивам неисполнения административных распоряжений о регистрации, а где таковые закрытия имели место — отменить немедленно». Запрещая гонения на верующих, ЦК РКП(б) предписывал использовать в качестве основного метода борьбы с религией «терпеливую и вдумчивую критику религиозных предрассудков» [5, с. 414–418]. Репрессивные события, предшествующие «зигзагу», также хорошо известны: кампания по изъятию церковных ценностей и связанные с ней гонения, в первую очередь на РПЦ, а также репрессивная кампания по ликвидации общин верующих всех конфессий под предлогом невыполнения декрета ВЦИК и Совнаркома от 3 августа 1922 г., согласно которому подлежали закрытию все общества, союзы и объединения, которые не успели зарегистрироваться в срок до 1 января 1923 г. Именно об этих закрытиях «молитвенных помещений» шла речь в цитируемом выше циркуляре. Временные границы «зигзага» можно продлить до начала коллективизации, с содержательными немного сложнее: гонения на все религиозные организации продолжались и в ходе так называемого религиозного нэпа, только более тонкими и специфическими методами.

Второй зигзаг датируется мартом 1930 г., точкой бифуркации выступает циркулярное письмо № 37 ОГПУ СССР «О состоянии и перспективах церковного движения и очередных задачах органов ОГПУ» от 22 марта 1930 г. Этот документ по праву следует отнести к одному из ключевых источников по истории церковно-государственных отношений в СССР. Циркуляр являлся оперативной реакцией руководства ОГПУ на изменение политической линии ЦК ВКП(б) после публикации 2 марта 1930 г. статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов». Вслед за анализом деятельности органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ в отношении Русской православной церкви в период гражданской войны и нэпа в циркуляре подробно «прописывались» задачи ОГПУ в условиях временного отступления власти на «фронте коллективиза-

ции». Авторы циркуляра признали неудачу попытки ликвидировать церковь в ходе коллективизации «административно-оперативным путем» и требовали от местных аппаратов вернуться к мерам «агентурного характера». В результате основное внимание в циркуляре уделялось специфике «работы» с осведомителями и агентами из числа священнослужителей в течение нескольких следующих лет, которые, как считало руководство ОГПУ, потребуются чекистам для окончательной ликвидации религиозных организаций. В качестве главной актуальной задачи декларировалось создание и поддержание конфликтных отношений внутри религиозных организаций (текст циркуляра опубликован, см.: [6, с. 791–805]). Можно предположить, что циркулярное письмо № 37 определило основную линию поведения органов государственной безопасности в отношении не только Русской православной церкви, но подавляющего большинства остальных конфессий вплоть до начала «Большого террора».

Третий, наиболее известный зигзаг, последовал спустя продолжительное время после «Большого террора», а именно в годы Великой Отечественной войны. Государство наконец-то признало за наиболее крупными религиозными организациями право на определенное место в обществе и государстве. Границей зигзага являлся 1948 г., после которого, как известно, произошло замораживание «статус-кво» и государство полностью отказалось от дальнейшего расширения «религиозного сегмента» за счет регистрации новых общин всех конфессий.

Четвертый либеральный зигзаг был предпринят в первые месяцы правления Л.И. Брежнева в качестве реакции на масштабную антицерковную кампанию начала 1960-х гг., развязанную по инициативе Н.С. Хрущева. Здесь сложно выделить какой-то нормативный документ или назвать конкретную дату, но широкая критика и пересмотр хрущевской политики в отношении религиозных организаций начались непосредственно сразу же после прихода Л.И. Брежнева к власти. Всем партийным и советским организациям, а также органам КГБ, суда и прокуратуры были направлены директивы о недопустимости административных методов в деле борьбы с религией и необходимости исправления допущенных «перегибов». С конца 1964 г. Прокуратура СССР и Судебная коллегия Верховного Суда СССР приступили к широкой проверке судебной практики по делам осужденных из числа верующих с целью их последующего освобождения. Жалобы верующих в обязательном порядке обсуждались на заседаниях бюро обкомов КПСС. Свою долю вины в «перегибах» было вынуждено признать также руководство КГБ в лице В.Е. Семичастного, заявившего в декабре 1964 г., что «некоторые органы КГБ в работе по церковникам и сектантам, особенно по линии сектантов ЕХБ, выполняли несвойственные им функции по ограничению религиозной деятельности. В связи с этим контрразведывательные аппараты КГБ–УКГБ еще раз предупреждены о четком выполнении

приказов КГБ об организации работы по церковникам и сектантам»².

Рубежным для брежневского поворота в церковно-государственной политике стало постановление Президиума ЦК КПСС от 15 марта 1966 г. «Об упорядочивании законодательства о религиозных культах», установившее четкие границы либерализации, дальше которых партия и государство заходить не намеривались. В соответствии с постановлением одобрялись проекты указов Президиума Верховного Совета РСФСР «Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах», «О внесении дополнений в статью 142 Уголовного кодекса РСФСР» и постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «О применении статьи 142 Уголовного кодекса РСФСР», которой предстояло вплоть до конца СССР исполнять роль главного репрессивного инструмента в отношении верующих.

Модель «перегиба» является адекватным исследовательским инструментом для препарирования двух первых либеральных зигзагов – 1923 и 1930 гг. В обоих случаях произошло отступление после бурного, носившего характер кампании, наступления или даже «штурма религии», как это было в начале 1930 г. Вслед за отступлением и временной нормализацией отношений с церковью следовало очередное наступление. В меньшей степени модель перегиба применима к событиям Великой Отечественной войны и брежневскому повороту, хотя на первый взгляд государство и здесь традиционно стремилось разыграть карту «эксцессов на местах».

Модель «перегиба» перестает адекватно работать, поскольку в результате «сталинского конкордата с церковью» сменилась общая парадигма религиозной политики. Политику советского государства в отношении религиозных организаций в 1923–1937 гг. можно коротко охарактеризовать как политику «разделяй и властвуй». Ее главным проводником были органы ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Несомненно доминирование линии, направленной на разложение конфессий изнутри и провокацию конфликтов между различными религиозными течениями. Судьбу Русской православной церкви, расколотой на «обновленцев» и «тихоновцев», повторили лютеране и буддисты, христианские секты и мусульмане. В 1937–1938 гг. была предпринята попытка «окончательного» решения «религиозного вопроса» в СССР. Ее относительная неудача и военная необходимость привели в годы Второй мировой войны к смене парадигмы.

В настоящее время в историографии сложился определенный консенсус в отношении причин, которые легли в основание «нового курса» в церковно-государственных отношениях. Их характеристика приведена, например, в монографии И.А. Курляндского. На первом месте находилось стремление использовать церковь во внутри- и внешнеполитических акци-

ях сталинского режима в условиях тяжелейшей войны, а также желание лишить религию и церковные организации ореола гонимых, теснее привязать к советскому государству и тем самым ослабить их популярность среди верующих. Нельзя не согласиться также и с тем, что с самого начала «сталинского ренессанса» «церковные структуры оказались в тисках своеобразного гетто, они были опутаны бюрократическими и административными ограничениями и запретами», и в этом смысле ни о каком резком разрыве преемственности в содержании советской политики в отношении религии и церкви говорить не приходится [7, с. 576–578].

Действительно, антирелигиозное содержание церковно-государственной политики осталось прежним, но резко изменился ее внутренний вектор. Теперь кредо этой политики гласило: «Объединяй и властвуй». Если в 1920-е – 1930-е гг. власть сама организовывала расколы внутри церквей всех деноминаций, активно поддерживала любые разногласия между верующими и делала все, чтобы воспрепятствовать объединению религиозных организаций, то теперь все усилия соответствующих институтов государственного аппарата были направлены на объединение верующих в рамках крупных всесоюзных церковных организаций. Почему же сталинское руководство не только легализовало большинство религиозных организаций, но и делало все, чтобы объединить их в рамках нескольких крупных церковных структур, рассматривая такое объединение как важную государственную задачу? Ответ на этот вопрос заключается в том, что уже к началу войны значительная часть оставшихся в живых руководителей конфессий была либо негласными сотрудниками НКВД, либо открыто демонстрировала власти свою лояльность. Сталинское руководство могло наконец-то пожинать плоды многолетних репрессий и гонений на церковные организации. Начиная с середины 1940-х гг., проводником государственной политики стало служить само церковное руководство, готовое платить высокую цену сотрудничества с тайной полицией и другими властными органами за выживание и легальное существование религиозных структур. Любой раскол в религиозных организациях, в отличие от довоенного времени, теперь не только не поощрялся, но пресекался и строго преследовался как «антисоветский».

По сути, в годы войны был успешно реализован первый этап проекта создания лояльной «советской церкви». Однако ситуация оставалась в целом неопределенной – замораживание сталинского «нового курса» в 1948–1949 гг. и возобновление селективных репрессий в отношении «религиозников» ставило под вопрос жизнеспособность проекта «советской церкви». В очередном наступлении на церковь, предпринятом советским государством в начале 1960-х гг., главную роль сыграли утопические представления Н.С. Хрущева о темпах строительства коммунизма.

Однако, несмотря на всю половинчатость и ограниченность, проект лояльной советской церкви уже зарекомендовал себя как важнейшее средство коадап-

² Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 60. Д. 15. Л. 105.

тации политического режима и общества. В этом контексте радикальная антицерковная кампания, развязанная Хрущевым, была контрпродуктивна, создавала ненужные точки напряжения, превращала вполне лояльных «трудящихся» из числа верующих в отчаянных противников советского строя. Брежнев выступил в 1965 г. эпигоном Сталина, реанимировав проект лояльной советской церкви. Без сомнения, вновь произошло выправление «перегиба» с наказанием главного перегибщика путем отстранения от власти, но дальше схема действия в рамках модели «перегиба» была нарушена в еще большей степени, чем в годы Великой Отечественной войны, – государство отказалось в обозримом будущем от нового масштабного наступления на религиозные организации с целью их маргинализации или даже уничтожения. Теперь ставка была окончательно сделана на модель лояльной «советской церкви».

Заместитель председателя Совета по делам религий при Совете министров СССР П.В. Макаревич, выступая в феврале 1977 г. на закрытом совещании уполномоченных Совета в Литовской ССР, так подвел итоги 60 лет советской антирелигиозной политики: «Вообще у нас в стране религиозная обстановка, можно сказать, нормальная. Нормальная. У нас большинство, подавляющее большинство духовенства лояльное. И мы считаем, что это большое завоевание наше – сделать церковь лояльной. Церковь не только лояльна, она активно сейчас поддерживает и внутреннюю и внешнюю нашу политику. Это, товарищи, немаловажный фактор. И Правительство, и Центральный Комитет, неоднократно Леонид Ильич Брежнев, встречаясь с высшими иерархами, [...] всегда высказывает высокую оценку вот этой лояльности и той деятельности, которую церкви выполняют в поддержку нашей политики»³. Советская власть в итоге признавала лояльные религиозные организации субъектами, имевшими полное право пользоваться всеми преимуществами и защитой, которые гарантировала и которую предоставляла «социалистическая законность» позднего СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России. М.: Изд-во МГУ, 1996. 400 с.
2. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 479 с.
3. Millar James R., The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism // *Slavic Review*. 1985. N 44. P. 697–698.
4. Ширер Д. Отражение Гражданской войны в политике Сталина: уроки и предубеждения // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы: Материалы X Междунар. конф. Москва, 5–7 октября 2017 г. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 11–22.
5. Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925: в 2 кн. / сост. М.Н. Покровский, С.Г. Петров. М.; Новосибирск: РОССПЭН, 1997. Кн. 1. 597 с.
6. Савин А.И. Сталинский «зигзаг» в религиозной политике в свете циркулярного письма № 37 ОГПУ при СНК СССР (март 1930 г.) // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 3. С. 791–805.
7. Курляндский И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М.: Кучково Поле, 2011. 720 с.

REFERENCES

1. Il'in V.V., Panarin A.S., Akhiezer A.S. Reforms and counter-reforms in Russia. Moscow, Izd-vo MGU, 1996, 400 p. (In Russ.)
2. Khlevnyuk O.V. Master. Stalin and strengthening Stalin's dictatorship. Moscow. ROSSPEN, 2010, 479 p. (In Russ.)
3. Millar J.R. The little deal: Brezhnev's contribution to acquisitive socialism. *Slavic Review*, 1985, vol. 44, pp. 697–698.
4. Shirer D. The Civil war reflection in Stalin's politic: lessons and preconceptions. *Uroki Oktyabrya i praktiki sovet'skoy sistemy. 1920–1950-e gody: materialy X Mezhdunar. konf. Moskva, 5–7 okt. 2017 g.* Moscow, 2018, pp. 11–22. (In Russ.)
5. Pokrovskiy M.N., Petrov S.G. (comps.) Kremlin's archives. Politburo and the church. 1922–1925. Vol. 1. Moscow, Novosibirsk, ROSSPEN, 1997, 597 p.
6. Savin A.I. Stalin's "zigzag" in the religious policy in the light of the circulatory letter № 37 of OGPU at Council of People's Commissars of the USSR (March, 1930). *Noveishaya istoriya Rossii*, 2018, vol. 8, no. 3, pp. 791–805. (In Russ.)
7. Kurlyandskiy I.A. Stalin, power, religion (religion and church factors in the internal politics of the Soviet state in 1922–1953). Moscow, Kuchkovo Pole, 2011, 720 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 28.09.2018

³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 3442. Л. 43–65.